

16+

Сергей Ковальчук

От и До. Свидетельства бывших атеистов

Сергей Васильевич Ковальчук

От и До. Свидетельства бывших атеистов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39484405

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-11315-2

Аннотация

Перед вами первая книга серии «От и До. Свидетельства бывших атеистов». В ней приведены рассказы двух людей с непростыми судьбами. Первая из комсомолки-атеистки родом из Грозного превратилась в монахиню, перенесла до этого два онкологических заболевания. Второй – молодой парень, бывший спортсмен и тоже ярый атеист. Однако после тяжелых жизненных мытарств, уединения в лесу и послушания в нескольких монастырях, не только уверовавший во Христа, но и ставший священником. Надеюсь, что чтение этой книги станет для вас занятием не бесполезным, потому что в ней вы прочтете о немислимых чудесах, которые явил Иисус Христос.

Содержание

Рассказ первый

6

Конец ознакомительного фрагмента.

71

Предисловие

«Томясь тоской и самомнением,
Не сетуй всеу, милый мой,
Жизнь постижима лишь в сравнении
С болезнью, смертью и тюрьмой».
(Игорь Губерман)

Здравствуйте, мои уважаемые и горячо любимые читатели! Перед вами первая книга серии «От и До. Свидетельства бывших атеистов». В этой книге приведены рассказы двух людей с непростыми судьбами. Первая из комсомолки-атеистки родом из города Грозного превратилась в монахиню, перенесла до этого два онкологических заболевания. Второй, молодой парень из Украины, бывший спортсмен и тоже ярый атеист. Однако после тяжелых жизненных мытарств, уединения в лесу и послушания в нескольких монастырях, не только свято уверовавший во Христа, но и ставший православным священником в забытом людьми (но не Господом) местечке в Луганской области.

Надеюсь, что чтение этой книги станет для вас занятием отнюдь не бесполезным. Почему? Потому что в ней вы прочтете о чудесах, происходивших с ее героями. Немыслимых чудесах, которые явил Иисус Христос.

Прочитав здесь о том, какие испытания Бог подчас дает

другим людям, вы, возможно, кардинальным образом измените свой взгляд на действительность. И, надеюсь, все же найдете время для того, чтобы открыть Библию и посредством этой великой Книги Книг общаться с Богом.

За своими героями я старался записывать дословно. Со всеми словами-паразитами, со многими ошибками в падежах, наклонениях и т.п. Чтобы вы, читатель, могли отличить стиль повествования каждого. Я исключил лишь повторения и явные ошибки, ставя на их месте многоточия.

С Божией помощью, я пишу вторую книгу этой серии. Про то, как люди приходят к Богу, и что им пришлось перенести в своей жизни, чтобы принять единственно верное в ней решение – спастись.

Надеюсь, что вы, мои дорогие, с Божией помощью, ее тоже вскоре сможете прочитать. Как и все остальные мои книги. Ищите и найдете! На сайте ЛитРес.

А выводы делать только вам. Ну, с Богом!

Рассказ первый

Ирина (Илария), 51 год, монахиня
(Россия, г. Сергиев Посад)

«Как многие из моего поколения, мы росли неверующими, то есть, были октябрятами, пионерами, комсомольцами. Я жила в городе Грозном Чечено-Ингушской АССР, и слова о Господе никогда я не слышала. Ни в школе, ни дома, ни на улице. Не было знакомых, которые сказали бы, что есть Господь, поэтому таких понятий мы не имели.

Росла я, как и все дети. Только вот бывали моменты в моей жизни, которые заставили меня задуматься о том, что Кто-то есть, Кто за нами наблюдает, Кто оберегает. И некоторые бывали моменты, бывали такие сны в моем детстве, когда было предупреждение. Или был сон, когда я оказывалась в каком-то городе, за много лет.

Я маме стала задавать вопросы: «мама, почему то, что мне снится заранее, сбывается через некоторое время? Или снится предупреждение: какая-то беда, или что-то заранее, и я переживаю это во сне. Я встаю, и мне кажется, что это плохой сон, мне не хочется в него верить. И через несколько лет это сбывается в точности, в подробностях?»

Я когда задавала эти вопросы маме, мама мне отвечала: «не знаю, доченька, ничего не знаю». Я опять мучила ее эти-

ми вопросами:

– Мама, ну, скажи же, кто-то есть, кто все дает мне заранее, знает? Мама, скажи! – Мама говорила:

– Не знаю, доченька.

И так мое детство было без ответа, кто же есть. Как-то я шла с музыкальной школы. Зашла в подъезд к нам, в поселке Черноречье. Поднимаюсь, уже близко к квартире. Мама говорит: «доченька, прислонись-ка к стеночке и держись», – потому что у нас часто выбивали лампочки в подъезде. Вот. Мама говорит: «ты только держись за стеночку, к перилам не прислоняйся, иди».

Я так и старалась в этом подъезде, поднималась. И один раз был какой-то случай такой, для меня необычный. Я поднимаюсь близко к своей квартире. Вдруг, как перед собой, как камера мне стала показывать, я увидела похороны своей бабушки. Я закричала. Услышала эту похоронную музыку, и бабушку увидела в гробу. Вот эта похоронная музыка, которая была раньше. И мам выскочила на лестничную клетку, говорит:

– Что с тобой, доченька? – Я говорю:

– Мама, бабушку видела в гробу! Мама что это такое?

Завела меня мама домой, говорит:

– Доченька, перестань, что ты говоришь?! Ничего, все нормально. С бабушкой все нормально, бабушка не болеет.

И самое было ужасное в моей жизни то, что через некоторое время бабушка у нас заболевает, и она скоротечно, зна-

чит, ей делают операцию, и она умирала у нас тяжело.

И второй случай в моем детстве, который меня потряс, когда бабушка умирала: умирая... мама за ней ухаживала, родственники ухаживали... Я помню такой момент, что уже думали, что бабушка вот-вот умрет, со дня на день. И когда я находилась у бабушки, родственников было много, мы слышали шаги по балкону. *Это был четвертый этаж.* Как я помню, на моей памяти, мы отодвигали занавеску, и удивлялись, что слышали человеческие шаги.

Потом звонок услышали в дверь. Бабушка говорит: «не открывайте, это за мной пришли!» Мы подумали, что это бабушка говорит такое странное? Кто за ней может прийти? А ждали со дня на день пенсию. Что бабушка получит пенсию, должны были пенсию принести. Бабушка боялась умереть, не получив пенсию. Каждая копейка была на похороны.

Ну и моя тетья говорит: «да ладно, мам, ну кто за тобой может прийти? Пошла и дверь открывать стала. Открыла дверь, а на площадке никого не оказалось. В это время распахивается балконная дверь, и бабушка начинает разговаривать с умершим дедушкой, который давно умер. И мы его не видим, а бабушка с ним говорит: «... *(называет неразборчиво имя)*, зачем ты за мной пришел? Оставьте меня еще пожить. У меня младшая дочь, Валентина, она еще замуж не вышла».

Нам стало очень страшно. Я свое впечатление помню. Состояние невидимого мира. Что мы не видим то, что видит бабушка. И почему-то стало очень страшно. Ну и когда

беседа закончилась с умершим дедушкой, она говорит: «за мной приходили. Приходил ваш папа, он сказал, что я скоро умру».

И после этой встречи с душой умершего дедушки, бабушка сказала: «призовите ко мне священника». И вот опять мои впечатления были: зашел человек, я вижу у него на груди крест. Я опять думаю: «такой большой, а я такая маленькая. А кто же это такой?» Это был семьдесят восьмой год. И в то время, понимаете, даже если батюшку пригласили... но тетя не побоялась, потому что речь шла о маме.

Бабушка исповедовалась, и вскорости она умерла. И тоже такой удивительный случай, что в день ее смерти остановились часы. Прямо в момент ее смерти часы остановились. И бабушка еще перед смертью сказала: «дети, не плачьте, я буду вас видеть. Мне будет тяжело, поэтому, постарайтесь не плакать». *Бабушку звали Александра. Царствие Небесное (крестится).*

И когда бабушка умерла, во время похорон заиграла эта музыка, которая вызывала у всех плач, и все, оркестровая эта музыка, когда все заплакали, у бабушки из глаз потекли слезы. Вдруг все испугались, говорят: как это так? Может, бабушка жива?» И в моей вот детской памяти – стали подносить ей к носу зеркало, вдруг, она жива, запотеет зеркало или нет, но бабушка была мертва. И мы поняли, что бабушка все слышит. Это в детской моей памяти тоже очень большой отпечаток оставило, что бабушка сказала, что она будет нас

видеть. Как она может нас видеть?

И потом учеба, учеба, и вскорости мне снится сон, что я буду учиться в большом городе. Я своей маме говорю:

– Мама, я буду учиться в Москве. – Не знаю почему так сказала. Я говорю: – Я видела город Москву и там буду учиться. – Мама говорит:

– А как же ты там будешь учиться?

Но незадолго до этого наши родственники, две тети, переезжают в Москву. И я, закончив училище в городе Грозном, еду в Москву поступать. Поступаю в Плехановский институт народного хозяйства. Поступила я. Родственники были удивлены, что я поступила без всяких связей, знакомств. Потому что это, как говорят, престижный институт в Москве. *Это было в восемьдесят шестом году.*

Вот, и другие случаи, которые дальше меня заставляли как-то задуматься о том, что Кто-то есть над нами, Кто может помогать, и Кто может все видеть. Я приехала на каникулы, окончив первый курс института, домой. Приехала, и мы с мамой поздно возвращались от родственников. И у мамы часто повышалось давление. Мы вошли к нам во двор, маме стало плохо. Она говорит: «доченька, мне что-то плохо, я хочу присесть».

Когда она села, на скамеечку за стол, я с ней села рядом. И мама вдруг, посидев немного, потеряла сознание и упала ко мне на колени. Представляете? Ночь, очень было поздно. Я смотрю в дома, дом у нас четырехэтажный был, и смотрю –

во многих квартирах уже потушен свет, многие спят. Никого на улице, чтобы позвать на помощь. И такой страх потерять свою маму! Я понимаю, что ей очень плохо, она без сознания. Я посмотрела тогда на звездное небо. А небо в Грозном все-таки такое необыкновенное. Мне казалось, что оно всегда было низким. И звезды, мне казалось, так низко, мне светили, да. Посмотрела на небо, и вдруг, вспоминаю свои сны в детстве. И эти вопросы, которые мучили маму мою: Кто же там есть, на том свете? Кто Он? Кто же есть, Который нас видит?

И я поняла, что мне никто не поможет, и обратилась к Нему. Вдруг, из меня вылетели такие слова. Я сказала: «Всевышний, если Ты есть, помоги мне! Моя мама может умереть. Сделай так, чтобы моя мама пришла в сознание. Дай мне знак, если Ты есть!»

И тут же, после этого крика к Небу, когда душа просто кричала: «спаси мою маму, Всевышний, если Ты есть, помоги... дай мне знак... потому что я чувствую, что Ты есть», и в это время мама моя открыла глаза, и говорит:

– Доченька, почему я лежу у тебя на коленях? – Я говорю:

– Мама, вставай! Представляешь, я сказала: «Всевышний, если Ты есть...», и ты пришла в сознание. Мама, Всевышний есть! – Она говорит:

– Не знаю, доченька. – Она встала и говорит: – Что-то мне совсем стало хорошо, пойдем.

Мы с ней поднялись на четвертый этаж... Это был один

случай. Другой случай, это я запомнила очень хорошо. Когда я поехала дальше учиться в институт. Учась в институте, я жила у тети у своей родной, маминой сестры родной, Елены. Я приезжаю с института, и мне тетя говорит: «сядь на диван, не беспокойся. Я должна тебе сказать тревожную новость, но ты должна пережить мужественно. – Говорит: – у мамы произошел инсульт. Доктора позвонили и сказали, чтобы мы с тобой ехали, прощались».

Даже времени не было ни плакать, ничего... Только ком во мне, как будто, стоял. Я кричать не могла, и я, как будто, была уже полумертвая от этого горя. Мы быстро взяли билеты, и летели в самолете. И когда приехали мы в Грозный, сначала в одну больницу... Центральную. Приехали в больницу. Передо мною, вдруг, и перед тетей Леной провезли уже умершего человека на каталке, накрытого. Я вскрикнула:

– Мама! – Тетя Лена говорит:

– Нет, это не мама.

Когда меня ввели в палату, мама тогда пришла в себя, но у нее было лицо очень раздутое, она была вся отекая. Но меня узнала. Узнала, и, не знаю, почему, но доктора потом решили ее перевозить в другую больницу. *В нейрохирургию.* И вот тогда, когда перевозили ее, маму, у мамы происходит повторный инсульт. И она впала в кому. А у Танечки, моей сестры, родилась доченька, Наташа.

И вот, получилось, что тетя поехала Тане помогать, а я осталась одна в палате с мамой. И доктора стали говорить,

что мы ничего обещать не можем. Готовьтесь к тому, что ваша мама уже не придет в сознание. Очень тяжелая форма, парализация всего тела, и в коме человек, и ничего не можем обещать. Скорее всего... готовьтесь к плачевному исходу.

И вот, проведя ночь-две, я чувствовала, что мое горе достигало какого-то накала. И в один вечер, когда так было тихо в больнице, я гладила маме руки, ноги, плакала и говорила: «мама, ты не должна умереть!» Но я понимала, что доктора тогда никакой помощи не могут маме оказать. В том плане, чтобы она осталась жива. *Маме было всего сорок шесть лет.* Я подошла к окну, меня переполняла, кажется, горе, крик в душе, я вспомнила тот случай, когда я сказала: «хорошо, но есть же Тот, Кто мне помог, когда мама потеряла сознание».

Я вспомнила то небо, ту скамейку, ту лавку, когда мама потеряла сознание, призвала и сказала: «Всевышний, если Ты есть, помоги!» Вдруг, у меня крик в душе, я думаю: «я сейчас опять призову Всевышнего, вот Он мне поможет!» (*плачет*). Я подошла к окну, и было такое звездное небо. Я на небо смотрела, и душа моя просто кричала: «Всевышний, тогда Ты меня услышал! Услышь Ты меня и сейчас! Дай мне знак!» Я опять просила. Понимаете, человек, который еще до конца не пришел к Богу, но знал, видел знаки от Него. Вот я принадлежала к такому человеку, которому всегда нужно было подкрепление. Я произнесла такие же слова: «Всевышний, если Ты есть, дай мне опять знак! Я ищу Тебя, но никто

из людей не может мне помочь. Сделай так, чтобы моя мама пришла в сознание! Доктора ничем не могут помочь. А Ты можешь все! Помоги мне, Всевышний! И если Ты есть...». И эти слова «если Ты есть», казалось, звучали во мне долго.

Я подошла к маме, и не помню, как... я заснула на коленях возле нее. А утром, когда я проснулась, мамина рука гладила меня по голове. Она говорила:

– Доченька! – Я говорю:

– Мама, я опять говорила Всевышнему: «если Ты есть, помоги мне!» – А она говорит:

– Ну, вот видишь, значит, Всевышний есть. – Я говорю:

– Мама, я все-таки, как же мы... – я говорю, – я ничего не знаю, и ты мне ничего не можешь сказать про Всевышнего? –

Она говорит:

– Доченька, как я могу тебе что-то сказать? Я ничего не знаю. Но ты же призвала Всевышнего, значит, Всевышний есть!

На следующий день мама стала ходить, вставала с постели уже, держась за стенку. Очень быстро стала поправляться. Я говорю:

– Mamочка, давай я «академку» – академический отпуск, возьму в институте. – Она говорит:

– Нет, доченька, ты должна, ради меня, закончить институт. – Я говорю:

– Mamочка, ну, ты же смотри, разрабатывай, – ей давали такую резинку в руки – она сидела и разрабатывала себе ру-

ку. Она говорит:

– Ну ты же видишь, что я встала, что я хожу до туалета. Ты же Всевышнего призвала, – мне мама говорит, – значит Он мне поможет поправиться. Так что ты лети в Москву с тетей.

А тетя тоже отпрашивалась, в милиции работала, отпрашивалась на несколько дней. У нее был ограниченный срок, потому что надо было возвращаться на работу. И мы с тетей, уезжая от мамы, я видела, что мама стала ходить, уже разговаривает, руки и ноги двигаются, все хорошо. Врачи удивились, но меня это в тот момент не очень волновало. Я просто радовалась, ликовала, родственники: Таня, тетя Лена, слава Богу, что...

Мы таких слов не знали. Не говорили: «слава Богу». И когда мы с тетей опять подлетали к Москве, я думаю, Господь опять создал мне такую ситуацию, поущение было Божие, чтобы я опять к Нему возвала. Потому что, подлетая к Москве, мы долго летали над аэропортом, у нас шасси не выпускал самолет. И тетя Лена стала со мной прощаться.

Она говорит: «у меня на Земле осталась доченька, прости меня!» Вот представьте, человек вообще в церковь не ходил, не знал, что такое грех, покаяние... Она говорит:

– Прости меня! – Я говорю:

– Вы меня простите! Но у меня осталась на Земле мама, и Таня с доченькой с маленькой. – Вдруг, у меня опять крик в душе: «нет! Если я погибну, как мама выживет? Она же только перенесла инсульты и стала поправляться!» И в ду-

ше я опять крикнула к Небу: «Всевышний, мы можем погибнуть, помоги!»

И в это время, когда крик произошел, в это время самолет резко выпустил шасси. Мы аж подпрыгнули, казалось, на этом сидении. Я говорю тете Лене:

– Тетя Лена, все-таки Всевышний есть! Я Его призвала уже третий раз, и Господь Всевышний отреагировал. Значит, Он есть! – Она говорит:

– Не знаю, о чем ты говоришь.

Так мое воззвание к Всевышнему и Его помощь заставили меня дальше задуматься о своей жизни. Опять не было вокруг меня ни родственников, ни знакомых, кто бы мне сказал: иди в Храм. Тогда Храмы еще были закрыты. И что надо молиться. Ничего в своем окружении я не слышала.

Окончательно меня, считаю, привело к Богу мое замужество. Страшное замужество. Мне было попущено такое, наверное, то, что я сама заслуживала. И я должна была этот путь пройти. И слава Богу (*крестится*) за все скорби и за радости. За то, что мне надлежало пройти. Я встречалась с человеком в Москве, в институте. Решили мы с ним пожениться. Он мне говорил о своей семье, родителях все самое хорошее. Что у него хорошие родители, а я говорила со своей стороны, что у меня родители самые замечательные.

И когда мы подали заявление в ЗАГС... Так вот, я рассказываю, как есть. Что мама, собиралась ехать в Грозном ко мне на свадьбу. И вот, как материнское сердце всегда чув-

ствует, когда беда с ребенком. И мама, собирая вещи, ехать на свадьбу, говорит, как мама потом рассказывает: «собираю, – говорит, – вещи, и такая на душе тяжесть. Плачу и плачу, – говорит, – как будто, я еду к дочке не на свадьбу, а на похороны. Не пойму, что же мою дочку ждет». У нее должен был на следующий день быть поезд, днем, говорит, никого не вызывала, и звонок в дверь. Приходит женщина и говорит, что она с горгаза, пришла колонку проверять газовую.

Потом они друг друга узнали. Оказывается, они когда-то учились в одной школе. Ну и стали друг друга спрашивать, как дела, как дети... Ну, и мама ей поделилась. Говорит: «еду к дочке на свадьбу, но такое чувство, я вся плачу, я вся в слезах. Я не знаю, – говорит, – что ждет мою дочку, но почему-то я все время плачу».

И эта женщина ей советует поехать к одной Наташе, которая была... Она говорит: «она в Храм ходит. И была в коме она, ее Господь вернул с того света. Она увидела... видела, была на том свете, видела рай, ад. И вот, Господь ее вернул на Землю, чтобы она приводила людей к Богу». И у нее был такой дар прозорливости, у этой Натальи. Она говорит, пойди к ней, даже, когда им плохо, мусульмане идут, и просят: «Наташа, помоги!» То есть, этот человек все время ходит в Храм. Она молится, и она только говорит о Господе. Что нужно к Господу идти молиться.

Тогда маме это все странно было слышать. Но, говорит, ладно, пойду я к этой Наташе. Может., она чем-то поможет.

Мама приехала к этой Наташе, в Старопромысловский район города Грозного, жила Наташа там, и, приехав, удивилась, что у нее большая очередь около дома. Мама вдруг видит, Наташа выходит из дома и говорит людям: «Я уезжаю сейчас в Храм на службу, принять никого не смогу больше, извините».

Ну, мама расстроилась: «ну ладно, не судьба значит». Сейчас мы понимает, что надо говорить: «воля Божия». А раньше говорили: «не судьба». Только отходить, и вдруг, Наташа маму увидела и кричит: «женщина, вот вас я приму». Мама говорит: «так стало мне немножко страшновато. Почему именно меня – самую последнюю в очереди?»

Мама заходит к ней домой, а та сразу сказала:

– Ты насчет дочери пришла?

Ну, и когда мама показала мою фотографию, она сказала:

– Твоя дочь беременна.

Я тогда такой имела грех. У меня был маленький срок беременности. И никто из родственников это не знал. Мама говорит:

– Как беременна? – Она говорит:

– Но это не страшно. Вы знаете, что со стороны ее жениха придет родственница, женщина, которая занимается чародейством? – Мама говорит:

– Не знаю.

– Эта женщина с порчей на смерть вашей дочки.

Мама, когда услышала эти слова, что на смерть, мама

вскрикнула: «Боже, помоги!», и потеряла сознание у нее. Наташа, видимо, окропила ее святой водой, потому что мама говорит, очнулась, у нее вода была на лице. И она ее поднимает, и говорит:

– Ну, за то, что вы сказали: «Боже помоги», я вам скажу... Вашей дочери сейчас бесполезно говорить, чтобы она не выходила замуж за этого человека. Но она должна пройти свой путь. Путь этот приведет ее к Богу. И всех вас, многих родных и многих людей приведет к Богу. Что я вам могу сказать. – И посоветовала, говорит, ничего у нее не брать, у этой колдуньи из рук. Она будет давать платки носовые на свадьбе. Чтобы она ничего не брала. Больше я вам ничего подсказать не смогу. Потому что за пять минут, за десять, за пятнадцать я вас не приведу к Богу. Вас приведет к Богу ваша дочь. И то, что ей надлежит пройти, она будет проходить в своей жизни.

И так мама с ней рассталась. Приезжает мама в Москву, садится за стол с родственниками, я сижу, никто не знает, что я беременна, никто не знает, что меня ждет, конечно. И вдруг, мама говорит:

– Доченька, ты скажи, ты беременная?

Я на нее посмотрела, говорю:

– Мама, откуда ты знаешь? – То есть, солгать ей я не смогла. А она говорит:

– Я знаю. – Потому поворачивается к моему жениху, и говорит:

– Саша, кто с твоей стороны занимается колдовством?

А он растерялся, и говорит:

– Это моя мать. Она колдунья.

Ну, я тогда, представляете, в таком возрасте была, и духовном... И я была всегда живым ребенком, и хохотушкой была. И всегда была глава компании, и, в общем, все время смеялась. И я резко... такой звонкий голос у меня был, я рассмеялась, и говорю:

– Ты что говоришь? Наговариваешь на свою маму. Колдуньи бывают только в сказках.

И резко звонко засмеялась. И на этом беседа закончилась. На следующий день мы идем звонить его родителям. Они отказываются приехать. И вдруг, в сам день свадьбы мы узнаем, что приедет его мама и двое мужчин с Украины. Они жили в городе Луганске. Тут мне стало не до смеха, я поняла, что что-то сбывается. Но, как бы, я понимала, что уже ничего поменять не могу. И когда мне мама сказала:

– Ты оставь его, не входи ты в эту семью, мы сами ребенка воспитаем, только не выходи замуж за него. – Но я ей отвечала, что люблю этого человека, я не хочу своего ребенка оставлять без отца. И в то же время отвечала:

– Мама, да ни во что не верь, ничего не будет.

Ну, как бы, успокоить свою маму. И вот, когда мы ехали в ЗАГС, уже началось воздействие этих чар, что мы вдруг забываем дорогу в ЗАГС. Нам потом показывают родственники в машине, в автобусе, сигналият нам – куда вы едете?

Машина не туда едет. В итоге, мы опаздываем на регистрацию. Это мы регистрировались в Гагаринском ЗАГСе города Москвы.

Тогда кружили мы сколько, не знаю, но опоздали мы примерно на час на регистрацию. Приезжаем в ЗАГС, и говорим: вот мы такие... Нам говорят: что-то мы ваше заявление не можем найти. Мы говорим: как же, мы же три месяца ждали регистрации, вот ваше приглашение – «Гименей», тогда был магазин «Гименей». Мы показываем – вот, «Гименей», магазин в Москве.

И они когда увидели свое приглашение, что мы покупали в магазине многие себе товары для свадьбы, они говорят: правда, наш ЗАГС. Напишите заново. В это время стояла в ЗАГСе его мать-колдунья, и, видимо, все этими делами своими и чарами наводила. Люди не видели ни наше заявление, ничего. Как в тумане все было.

Когда регистрация все-таки произошла, она ко мне подошла, так обхватила меня за талию, что-то сказала мне, и говорит:

– Ты моя.

А потом отошла и говорит своему сыну, что я беременная.

– Она, – говорит, – беременная.

Саша подходит и говорит:

– Мать знает, что ты беременная. Только ничего у нее из рук не бери.

Сам ее сын стал предупреждать. В это время она стала

доставать какие-то платки, родственники стали убирать эти платки, говорят:

– Не бери, не бери!

В общем, когда мы уже приехали в кафе, праздновать, я платок не взяла, но, когда мы сели за стол, и они попросили меня сыграть на рояле... как раз удивительно, что я сыграла грустное такое произведение: «Осень» Чайковского. И подошла, села за стол. Когда заиграла музыка, многие пошли танцевать, она к нам подошла, и меня, и Александра ударила по голове, свекровь. Беда была в том, на тот период моей жизни, что я не носила крест.

Крещеная была в детстве, креста на мне не было. Молитвы никакие я не знала. То есть, я не была под защитой, никакие молитвы не знала. И она легко вдруг на меня воздействовала. Ударив по голове меня и Александра, она вдруг резко исчезает. Просто как испарилась, в кафе ее не оказалось. Я только помню, что я встала, и все стали кричать: «невесте плохо!» Я куда-то пошла. По кафе иду, начинаю снимать с себя белые перчатки. У меня исчезает потом одна перчатка, я ее уронила, эта перчатка тоже исчезает.

Стали кричать: «где невестина перчатка?» Перчатка эта пропала. В общем, оказалось, что «сказка» началась в моей жизни. Она стала действительностью. Потом помню, у меня было другое платье. Меня переодевали из свадебного платья в какое-то необычное платье. Этот Александр кричит:

– Надо сжигать другую перчатку, между ними связь! – Я

говоря:

– Ты все знаешь? Ты знаешь все, как делается?

Ну, конечно, если мать занималась этим, и он с детства это видел. А самое страшное, что его мать была преподавателем в школе. Преподавала в начальных классах. И сколько детей, оказывается, страдало от нее. Потому что дети-то были без крестов, без молитвы. Я думаю, что сейчас *таких* не меньше. Сейчас время зла, тоже все открыто. Вышло все наружу. Раньше все это было скрыто. Если мы воспринимали колдунов как в сказке персонажей, то сейчас пожалуйста – все колдуны у нас выходят на телевидение. Открыто, в газетах, это же страшно взять газеты. И прикрываются иконами, держат иконы в квартирах, и сами же занимаются колдовством.

Но с нами Бог (*крестится*) и все Ангелы Его. Господь нас теперь защищает. На тот период, когда я не знала ни одной молитвы, не носила креста, для меня начались жуткие и страшные события в моей жизни. Надо было это все перенести.

Через несколько дней у меня произошел выкидыш. Меня отвезли на «скорой помощи» в больницу, ребенок умер. То есть, она нанесла проклятие, как потом выяснилось, и ребенок у меня погиб. И так было у меня несколько выкидышей. И после какого-то выкидыша, не помню, после третьего или четвертого, кровотечение доктора не могли остановить. Они вроде бы останавливают гормональными таблетками в больнице, выписывают, и кровотечение начинается заново.

И вот, выписали меня домой, кровотечение у меня началось с такой силой, что я уже не успевала пеленки, все это подкладывать. Потом пошло у меня кровотечение из носа. Я чувствовала, что теряла память. И вот, в какую-то ночь, мы тогда жили в милицейском общежитии, в Москве, в милицию устроился и заочно перевелся на обучение супруг тогда, и вот ночью, когда я спала, я уже была с таким кровотечением жутким, я вдруг проснулась от того, что скрип в моей комнате, по паркету.

Я открыла глаза. Вдруг, я чувствую, как... я прям чувствовала эти человеческие пальцы чьи-то, они начинали меня душить. А умирать-то страшно. И вдруг, из меня вырвался крик души: «Боже, помоги!» Я смотрю – эти пальцы меня оставили. Я опять услышала скрип, и я резко вскочила. Вскочила, свет зажгла, говорю:

– Саша, меня душили, мне плохо! – Он:

– Да что ты выдумываешь? – Я говорю:

– Нет, я слышала скрип, меня душили!

Я зажгла свет, и тут я столкнулась с тем, что стала бояться очень темноты. И после этого он приходит с милиции, в отделении семьдесят шестом милиции работал. Приходит и говорит: поехали к какой-то бабке, женщине, она снимает порчу. Как сейчас у нас в газетах, видите, много там написано: «снимаю порчу».

«Ну, вези меня, куда ты хочешь».

Повез меня к женщине. Заходим к ней, а у нее иконы вез-

де. Ну, я не знала даже, как называется. Я смотрю – вроде, картинки. Ну, я не знаю, красивые картинки. Я же не воспринимала их как иконы, я не знала даже, как они называются. И вдруг, она мне говорит:

– Я тебе ничем не могу помочь. Тебе сделала сильная колдунья, ты скоро должна умереть. Три дня тебе осталось жизни.

Я говорю:

– Как? Вы мне ничем не можете помочь? – Она:

– Нет.

И опять ни слова о Боге, ни о том, что мне надо идти в церковь она мне не говорила. Я тогда на тот период ничего не понимала. Я понимала, что мне говорят о смерти. И когда мы вышли, и я иду, плачу, с Александром, и говорю: «как же я умру? Моя мама перенесла инсульты. Если я умру, моя мама умрет. А у нее еще дочка, у нее еще внучка! Я так хочу жить! Но кто мне поможет? Доктора мне не могут помочь: они останавливают кровь гормонально, и тут же открывается кровотечение. Где же мне искать помощь?»

Тут, когда я пришла в это общежитие, я вспомнила один случай, который был в моей жизни. Тоже очень страшный. И теперь я поняла, что это страшный смертельный грех. Ну, это мой возраст, наверное, девятнадцать или двадцать лет. Это было как интерес такой. Когда училась в институте, в то время к нам пришла как-то тетя, и... в то время показывали Кашпиоровского, Чумака. Но я все время над этим смеялась.

Что они там заряжают? Что они там делают? Н вот, я как-то к этому серьезно не относилась.

Потом я пришла в другой раз к своей сестре, и она мне говорит: «ты знаешь, тут по телевизору показывали...». Вы знаете, такое впечатление в те годы, и сейчас-то я уже телевизор не смотрю, отошла уже давно от этого, но в те годы... Чумак, Кашпировский, и вся эта чернота полезла просто на телевидение.

И я прихожу, а сестра мне говорит: «ты знаешь, такое показывали по телевизору!» Сестра младше была на четыре года, и такой период возраста, что – женихи, как узнать, с кем познакомиться... Все это интересно, да. И вот говорит:

– Представляешь, показывали такое гадание по телевизору! – И рассказывает мне. Я говорю:

– Да ладно! Мне страшно. Что ты такое говоришь.

Ну и приезжает потом один человек, остановился у моей тети, и она опять этот случай рассказывает:

– Показывают по телевизору какие-то ужасы. Неужели это есть?

А он говорит:

– Да ладно, что вы. Моя жена вызывает умерших.

– Как это, вызывает умерших?

– Ну как, вы думаете человек умер, и все? Ведь остается же дух от него.

Мы говорим:

– Как?

– Ну, вот так. Тело-то умерло, а дух остался.

Ну, нам же это интересно, как это так. И тут я вспоминаю бабушкину смерть, что дедушка приходил. Значит, есть что-то, да. Ну, он нам рассказывает, как его жена все это вызывает. Ну и мы с Аленкой говорим. Сестра мне говорит:

– Ну, давай попробуем! – Я говорю:

– Да нет, что-то страшно, неужели что-то есть? – Мне же страшно. Она:

– Ну ладно, давай попробуем! Просто же интересно! А может, это и смешно. Может, ничего и не будет?

И представляете, то, что ради интереса мы с ней, с сестрой, как бы, вызвали... просто сказали: «душа такого-то там, приходи!» Ну и все получилось, как бы, вроде блюдце задвигалось. Ну, многие это знают. Многие даже... с людьми когда разговариваешь, и говоришь, что это грех, некоторые говорят: «а ведь я вызывал». А я говорю: «вы идите теперь кайтесь на исповеди, потому что это грех».

Души умерших, а оказывается, это духи злобы, бесы. Кто приходит? Кто это говорит? Бесы, которые приходят и говорят. И они причем могут и прельстить. Могут и обмануть. В то же время, если Господь им попустит, они не смогут сказать ложь. Но для того, чтобы человека заманить, они где-то скажут правду. И вот такую правду они, чтобы заманить человека и нас, было сказано когда сестра моя познакомится с человеком, где он учится. Что она с ним познакомится такого-то числа, вплоть до его семьи – все, кто у него есть,

какая сестра, какая квартира.

И все это сбывается. Через несколько дней прибегает Алена, сестра, и говорит:

– Представляешь, я познакомилась с таким человеком! Все, что было написано, все сбылось.

А меня это, как бы, не обрадовало в тот момент. Мне стало страшно. Я поняла. Ведь все сбылось. Мы же это в качестве интереса, а все сбылось. *Я говорю:*

– Значит, Алена мне это очень страшно. Я больше за это никогда не сяду. Мне что-то очень страшно.

Я не могла понять. Душе становилось от этого очень тяжело. Хоть даже один раз, вроде с интересом. И вот, прошло несколько лет, и вот, я вышла так замуж. Я приезжаю вся окровавленная после того, как мне эта женщина сказала, что мне жить три дня осталось, я приезжаю в общежитие и вспоминаю этот случай. Что мы вызывали. И я, живя в коммуналке в общежитии, я говорю своей соседке:

– Оксана, есть способ узнать правду. Вот скажи, я же хочу жить. Ну что же мне делать, я же хочу жить! – И я ей объяснила, вспомнила этот случай. Она говорит:

– Да ну, ты, наверное... это неправда. Неужели блюдце может двигаться?

Я говорю:

– Да понятно, но кто-то его двигает, и кто-то говорит. И они все знают про нас. Как будто люди на ладони, и за нами идет наблюдение. И даже знают, что будет заранее.

И она согласилась. Но только говорит:

– Будем у тебя вызывать, в твоей комнате.

Ну, когда вызвали просто, блюдце задвигалось и говорит: «ты была беременной». По буквам читаем. И пишет почему-то, как будто, от лица женщины: «я убила твоего мальчика. У тебя был мальчик. Теперь твоя очередь. Ты умрешь во сне». Я говорю: «как я умру?» «Тебя удушу во сне». То есть, то, что я уже пережила – удушье. И когда я вспомнила, что пережила, и когда я вскрикнула: «Боже, помоги!», почему я такие слова сказала, я даже тогда не понимала. Ангел-Хранитель дал слово это. Я говорю: «а как же мне спастись? Я же хочу спастись!» И вдруг пишет: «мне дан приказ тебя убить».

Я говорю: «как дан приказ?» Я вспоминаю мультик, сказку про лампу Алладина. Когда говорили приказ, и он должен был сделать. Я говорю: «так это бывает только в сказках». И тут же я осеклась, «в сказках», когда со мной это все как в сказке происходит. «Ты будешь спать, я тебя удушу во сне. Мне дан приказ, я должна тебя убить». И сколько это минут продолжалось, и все говорили о моей смерти, что я должна умереть, вдруг Оксана задает вопрос: «а как, можно верить в то, что оно пишет?» Стала задавать вопросы о своих умерших. Ну и блюдце стало писать, что твоя бабушка умерла такого-то числа, твой папа убит.

Все поняли вокруг, что все происходит в действительности. Она ничего не знала о своих родственниках. Она думала, что я блюдце толкаю. А я же не знала о ее родственниках

ничего. Все сбылось, что говорило, все совпадало. Потом я говорю: «а как же мне спастись?» И вдруг, перечисляет вещи. Говорит: «тебе подарили на свадьбу вещи, и перечисляет: подушка, сервиз, одеяла – все это надо сжечь».

И еще: вдруг, заходит Александр с работы, и вдруг, пишет: «у Александра в кармане зеркало двустороннее, толстое, которое он носит всегда с собой, это мать ему дала носить с собой. И через это зеркало она воздействует на вас. Это зеркало надо сжечь». Я говорю: «а как же я зеркало сожгу?» Пишет вдруг: «твоя мама, Ирина, – она была Ириной, – тебе дарила после свадьбы выборку. В этой выборке вы создайте высокое атмосферное давление, положите зеркало, оно треснет, потом расплавится».

Ну, скорее побежали, пока мы с ним, с Оксанкой, с этим блюдцем, Александр и жених Оксаны, побежали в выборке в ванной сжигать это зеркало. Пошел страшный дым. А мы жили на Аминьевском шоссе на одиннадцатом этаже. И вдруг, дым пошел. А дым пошел по коридору, мы испугались, что же, сейчас прибежит охрана, скажет, что вы тут пожар устроили. Это было около одиннадцати ночи.

Потом я спрашиваю у этого блюда: «а как же мы сожжем? Можно ли на улице все сжигать?» «Можно», – пишет. «А как ты сообщишь, что все это сгорело, зеркало расплавилось?» «А как вы хотите?», – пишет. Естественно, это бес. – Может материализоваться, то есть, превратиться в кого-нибудь. Я говорю: «не надо, этого мне не надо». Я говорю: «а

ты можешь стукнуть нам в окно?» «Ну, конечно». – Это был одиннадцатый этаж.

Ну и все, они побежали на улицу сжигать. Потом пишет, что происходит у его родителей на Украине. «В это время, – пишет, – мать Саши умирает. Ей все передается обратно» (то, что на меня было направлено – колдовство). Потом, через время, пишет: «она передает своему мужу все это, спящему». Зло, которое она направляла на меня, идет обратно к ней, и она передает мужу. Потом пишет, что обливается она колодезной водой. Я говорю: «у них колодец есть?» «Да», – пишет.

Ну, и, видимо, когда все это сгорело, стук в окно. Страшный такой грохот был, мы аж подскочили. Мы пишем: «что, все сгорело?» «Да, все сгорело». Прибегают Александр, жёних Оксаны и говорят:

– Ну все, мы спалили. – Мы говорим:

– Такой был стук, грохот в окно, мы аж подскочили.

Ну, я говорю: «теперь я жить буду?» Пишет: «нет, я тебя убью». «Как ты меня убьешь? Все же сгорело, как ты сказала». «Нет, дан приказ тебя убить. Я тебя все равно убью». Я говорю: «а как же мне спастись? Ты меня обмануло?!» – я вдруг закричала. А у меня кровь из носа, здесь кровь (*указывает на низ живота*). Мне казалось, уже вот-вот, у меня уже обморочное состояние. Я говорю: «как же мне спастись?»

И вдруг, из меня вырвались такие слова, я закричала: «я хочу знать истину! Скажи же мне правду!» И чуть ли не стук-

нула кулаком по столу. И вдруг, блюдо это быстро задвигалось... Что-то как-то обеспокоенно... Мы не могли ничего прочесть. С одного конца в другой двигалось по этой бумаге. И вдруг, пишет стрелкой: «Храм-Господь-молитвы. Мы боимся только Господа. Только Господь тебя спасет». А я читаю, и говорю: «Храм, Господь, молитвы?» И спрашиваю у своих: «а вы знаете, Кто такой Господь?»

То есть, когда мама... я призывала Всевышнего. А тут мне пишет: «Храм-Господь-молитвы». Я у них спрашиваю:

– А кто ж такой Господь? – А они все сидят, и говорят:

– Не знаем.

И все, мы это быстро все свернули. Я говорю:

– Быстро это все сожгите. Я ничего не хочу у себя это оставлять.

И мы все одетые пошли спать в другую комнату, от страха при зажженном свете. На следующее утро я лежу в одежде, с меня кровь хлещет. Я уже встать не могу с постели, обессиленная. И вдруг, смотрю, у меня окно было открыто, залетает... летит, как будто, точка с неба. Я на эту точку смотрю, и эта точка превращается в воробья и залетает ко мне в комнату. И садится на форточку, а форточка вовнутрь отрывалась. Я кричу: «Оксана, выгони птицу! Это плохая примета!».

Оксана прибегает, полотенцем эту птицу, а птица сидит. И вдруг, откуда опять я взяла эти слова? Теперь я понимаю, что Ангел-Хранитель мне давал эти слова. Что я вскочила с постели, и закричала: «вон отсюда, нечистая сила!» Я по-

няла, что это то, что мне писали вчера. Что они могут превращаться в кого-то, материализовываться. Что это есть на самом деле, эта нечистая сила превратилась в воробья. И воробей этот вылетел.

Вылетел воробей, я закрыла форточку. И вдруг, опять вижу точку с неба, и точка превращается в ворону. Бьется о мое окно. Я закричала: «Оксана, веди меня скорее в Храм!»

И вот, меня Оксана, моя соседка, повела в Храм. Как мы нашли этот Храм? Теперь я понимаю – это чудо! Потому что мы вышли на улицу, Оксана спрашивала, где есть Храм. И вот, меня Всевышний привел в Храм. Метро «Юго-Западная». Первый Храм, который был отдан Москве – это Храм Чуда Архангела Михаила в Хонех.

Когда я туда пришла, Храм только восстанавливался. Меня привели под руки, я шла с окровавленным платком, и еле передвигала ноги. Я подошла к человеку, я не знала, что он батюшка. Как обращаться к нему, я не знала. Я подошла и сказала:

– Мужчина, вы здесь работаете? – Дернула его за рукав. Он говорит:

– Да, деточка, я здесь работаю.

И я ему рассказываю все: о своей свадьбе, о том, как я призывала Всевышнего, как Всевышний мне помогал, когда мама была в инсульте, как вышла замуж, и в какой ситуации оказалась. Какое у меня замужество, и что колдунья све-кровь у меня. И то, что я вызывала души умерших. Я не зна-

ла, как это называется. Он говорит:

– Дочка, то, что ты вызывала, это страшный, смертельный грех. Это называется спиритизм. – Я даже не знала это название. – Ну, что тебе сказали?

Я говорю:

– Мне сказали, что они боятся Господа. Что только храм, молитвы, Господь... что только Господь меня спасет.

А этот человек мне стал говорить:

– Это правду они сказали. Это Господь попустил им сказать правду. Потому что обычно они обманывают, заманивают людей, и потом начинают лгать. Вам надо исповедоваться в этом грехе. Но вы же не знали?

Я говорю:

– Нет, я ничего не знала. Так скажите, – говорю, – Кто же такой Господь?

Он говорит:

– Дочка, пошли!

Завел меня в Храм. Крест, Распятие. И он мне говорит:

– Вот Господь Иисус Христос! Он был на Земле, родился от Чистой Девы, жил на Земле, учил, творил столько чудес. Он был распят, и в третий день воскрес! Веруешь ли ты в это?

А я расплакалась, и говорю:

– А как же не верить? Они боятся только Бога, они боятся только Господа! Воистину Господь воскрес! Только Господь меня спасет!

Он расплакался этот мужчина, и говорит:

– Вот ты сейчас встань перед Крестом, пред Господом распятым, и попроси прощения за всю свою жизнь. И попроси исцеления. Только Господь тебя спасет! И вот, с истинной верой обратись к Богу, чтобы Господь тебя исцелил.

Этот человек вышел. Я осталась одна перед Крестом. Я помню, я упала на колени, обняла Крест, и стала плакать. Я плакала и говорила только одни слова: «Господи, как я тебя долго искала (*плачет*). Я пыталась найти ответ у людей. Спрашивала у мамы. Никто не мог ответить. Теперь я Тебя нашла. Господи, прости меня за всю мою жизнь, за то, что я Тебя раньше не знала. Теперь я умираю, мне сказали, что мне осталось жить три дня. Я умираю от кровотечения. Господи, они только Тебя боятся, спаси меня! И я верю, что только Ты меня можешь спасти!»

И сколько я так простояла в Храме, я не знаю. Когда я успокоилась, зашел этот человек, мужчина, и он сказал, что он священник, и надо к нему обращаться: «батюшка». Он мне дал Молитвослов, и сказал:

– Вот тебе Молитвослов, Евангелие. – И подарил мне иконы. Сказал: – Это иконы: это образ Спасителя, а это Божией Матери...

То, что забыла упомянуть. Около Креста... я молилась и говорила: «Господи, я знаю, что по грехам Ты попускаешь нам болезни. За какой грех мне попущена эта болезнь? У меня ребенку пять лет. Если я умру, кому он останется? Род-

ственникам он не отдаст – не просто потому, что ему ребенок нужен, просто не отдаст. А я еще не готова, Господи, к тому, чтобы уйти. И, главное, у меня ребенок. Господи, дай мне время на покаяние! Господи, Ты Всемогущ! Только Ты меня можешь исцелить, Господи, я умираю!»

И когда я стала просить Господа: «Господи, за какой мне это грех?», я вдруг услышала голос от Креста: «тебе за невенчаный брак!» И так было три раза – «тебе за невенчаный брак!» Я очень быстро как-то встрепенулась... а он не хотел со мной венчаться. Жизнь была плохая, но сколько я ни просила его венчаться, он откладывал это. Говорил: «нет, нет, подожди».

И я понимаю, как это страшно... то есть, до этого момента я этого может, даже недопонимала, как это страшно – быть в невенчанном браке. И тут мне Господь открывает: за невенчаный брак у меня онкология. Я даю обещание Господу. Я говорю: «Господи, я обещаю тебе с ним расстаться. Раз он не хочет со мной венчаться, я обещаю тебе с ним расстаться. Исцели меня, Господи, имени Твоего ради, да прослаблю имя Твое Святое!»

Поплакала у Креста, успокоилась, мне так стало спокойно, хорошо, какая-то тревога ушла в Храме. Выхожу из Храма, опять, еще за ворота не вышла, за ограду, и слышу, мужской голос мне говорит: «придешь домой, проспрынься святой водой, три раза, с молитвой «Отче наш». Господь тебя исцелит!»

Я сначала испугалась: «как так, туда святой водой? Как это, не грех ли?» Прихожу в школу, в Раменки по работе зашла, а там, в школе, сидела завпроизводством, и читала про блаженную Матронушку. Блаженная Матронушка тогда не была канонизирована, была на кладбище похоронена. И я пришла к ней в столовую, говорю:

– Оля, мне так плохо, я еле иду! У меня такие боли в животе, я, наверное, уже скоро помру, у меня нет сил. Я только услышала голос: «иди домой, проспрынься святой водой, три раза, с молитвой «Отче наш». Говорю ей: – Не грех ли это? – А эта женщина мне отвечает:

– Да какой же грех? Смотри, про блаженную Матронушку читаю.

Открывает мне страницу, и там написано: к блаженной Матронушке пришла женщина. У нее была миома матки. Она пришла и говорит: «Матронушка, благослови на операцию!» Она говорит: «никакой операции! Спрынься святой водой, три раза, с молитвой «Отче наш». Женщина послушала, не пошла на операцию, проспрынцевалась, и доктора у нее ничего не нашли.

А я говорю: «Господи, прости меня, что я усомнилась!» Такое было вразумление от Господа. Пришла домой, проспрынцевалась, мне стало легче. Потом думаю: «силы какие-то у меня появились. Поеду я к маме, сына увижу». Знаете, как, мысли всякие лезут в голову: «а вдруг меня Господь не исцелит? Поеду я к маме, повидаюсь с сыном, с мамой». А

мне сказали в больнице тогда, что, когда цикл женский придет, показаться обязательно профессору.

Я приехала в деревню, побыла недельку. Вдруг, у меня эти женские дела пошли, звонит тетя с Москвы и говорит: «когда она приедет? Уже профессор ее ищет, доктора спрашивают, жива она – не жива, что с ней?» И мама стала меня упрашивать:

– Доченька, поезжай в Москву, тебя там ждут, поедь, покажись профессору! – Я говорю:

– Мама, зачем? Я не буду никакой операции делать! – Она говорит:

– Ну поедь, покажись!

В общем, я приезжаю в Москву, тетя говорит: «завтра утром мы едем к профессору. Так что, – говорит, – давай, готовься!»

Я вечером почитала вечерние молитвы, и говорю: «Господи, Ты мой Врач! Только Ты мой Врач, и, если Тебе угодно, исцели меня, Господи! Да прославлю имя Твое Святое пока буду жива! Никакой операции, ничего я не буду делать. Я в Твоих руках!»

Ну и ложусь спать, помолилась, и просыпаюсь от того, что мне под утро снится... только слышу голос я под утро мужской, говорит: «доктора у тебя ничего не найдут. Господь тебя исцелил и в этот раз. Славь Бога всегда и везде!» И я проснулась.

Просыпаюсь, такая радость! Я ничего не могу понять. В

животе никаких болей нет. Я бегу в туалет – у меня идет чистая кровь, и никаких выделений, сгустков. Ничего нет. Я звоню тете:

– Тетя, меня Господь исцелил и в этот раз! Мне сказано во сне: «славь Бога всегда и везде!» – Она:

– Вот-вот, хорошо! Слава Богу! Но пойдем: доктора поставили диагноз, пусть они опровергнут.

Ну, я иду ради родственников в больницу. Профессор смотрит наощупь, и ничего нет.

– Как? Где вы лечились? Что вы делали? – Говорю:

– Ничего не делала. В Храме была, Богу молилась, просила у Господа об исцелении.

– Не может быть, – профессор мне говорит. – Делаем УЗИ. – Делают УЗИ, и ничего не находят. – Так, не может быть, не могла эта опухоль исчезнуть. У вас, наверное, там уже полностью распад тканей, все вышло и вы сейчас будете помирать. Мы вам будем делать лапароскопию. – Я говорю:

– Это больно?

– Да нет, это неприятно.

Кладут меня в палату. В палате женщин много было. А я с этими снимками пришла в больницу, которые показывала. С иконами, главное, с Молитвословом, с Евангелием. Поставила себе на тумбочку, молюсь каждый вечер и утро. На меня эти женщины смотрят:

– А как ты пришла к Богу? – спрашивают. – Ты так молишься.

Я стала рассказывать им свою жизнь, как пришла к Богу. Ну, кто-то стал плакать. Кто-то стал рыдать: «у меня выкидыш был, если бы ты была раньше, я бы Бога молила, и Господь бы сохранил мне ребенка!» Кто-то был некрещеный и говорят: «мы выйдем и обязательно покрестимся!»

– Хорошо, – спрашивают у меня в больнице, – что у тебя было, а сейчас чего нет? – Я говорю:

– Был «рак», а сейчас его нет.

– Как нет?

– Потому что меня Господь опять исцелил. Говорю: – завтра мне будут делать лапароскопию, и вы все станете свидетелями того, что меня Господь исцелил.

В этот день, когда я с ними разговаривала, к нам поселили в палату девушку, которая поступила на сохранение беременности из секты «*Свидетели Иеговы*». Они не признают иконы, они не признают Крестного Знамени, они не признают Креста. И вот, когда мы пошли с ними в столовую, эти женщины стали меня спрашивать:

Какую молитву читают над пищей? – Я говорю:

– «Отче наш». – Мы помолились, а эта сектантка говорит:

– Вы что, вы – идолопоклонники, – и сразу убежала. – Они говорят:

– Ну, она же заблудшая женщина. Скажи ей. – Ну, я говорю:

– Если воля Божья будет, я обязательно с ней поговорю.

Приходим в палату, и она начала вопросы такие задавать:

– Почему в Храм женщина одна ходила, у нее столько детей, а она умерла? А вот, как же вера? – А я говорю:

– Знаете, что, Мария, все мы смертные, и все мы когда-то рано или поздно умрем. У кого какой срок. Разве у вас, у сектантов никто не умирает? Все же мы здесь временные гости.

И женщины, которые в это время лежали в палате:

– Да ты расскажи за себя, как Господь тебя исцелял!

Я стала ей рассказывать, и эта Мария вдруг говорит:

– Почему-то, я пессимистка, но тебе я верю.

Ну, вот, и на следующий день повезли меня в операционную, лапароскопию вот эту делать. Малая операционная, чтобы обследовать. А у нее, *Марии*, хирург был ее друг, знакомый. Меня везут, а я читаю Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешную». Завозят меня на каталке в операционную, говорят: «вы потерпите, сейчас мы вам уколем в живот местным обезболивающим». Проккололи мне дырки, надули живот и потом говорят: «отключаемся, цветочки-лепесточки». И я ушла под наркоз.

И когда я уже очнулась и была на каталке, я слышу какой-то голос на всю операционную кричит. Оказывается, это кричала я. Кричу: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешную!» То есть, молитва шла у меня внутри. Я думаю: «кто это кричит?» Мозг работает: «рука чья-то (*у нее над головой*), это моя рука или чья? Что это, где я нахожусь?»

А ко мне хирург подходит, по плечу стучает, и говорит:

«девка, Господь тебя исцелил! Ничего мы у тебя не нашли. Жить будешь!» Привезли меня в палату, сбежались доктора, повскакивали с постели женщины. Я открываю глаза, все смотрят на меня с удивлением, говорят: «как? Ничего нет! Но мы будем опять у нее на следующий день...».

А на следующий день мне отщипнули кусок шейки матки, на ЦЭР отправили. И вот, чудо произошло с этой сектанткой, которая обратилась в Православие. Когда мне отщипнули кусок шейки матки, она уже знала, что у меня не находят ничего, никакой опухоли уже нет. Она вечером лежала... у нее ночью начались схватки. Она стала кричать: «девочки, у меня схватки, рожаю», – у нее маленький срок был.

А до этого я у нее спрашиваю:

– Мария, где на тебе крест?

Креста на ней не было. Иконы она тоже, как бы, не ставила и сторонилась. И тут, вдруг, она кричит. Женщины у нее спрашивают:

– Тебе надо дежурного доктора? – Она кричит:

– Нет, Ирина, – говорит, – молись Господу, Господь слышит твои молитвы! Спасите меня и моего ребенка!

И мне, в общем-то, после таких процедур нельзя было резко вставать, потому что мне скобки наложили после таких обследований. И я вдруг вскакиваю, вы знаете, Господь дал такие силы! Я вскакиваю, бегу к ней. Бегу и говорю:

– Крест где? На тебе?

И она вдруг раскрывает так (*показывает*), крест на ней.

Я говорю:

– Ты видишь иконы? – Она:

– Вижу. – А сама извивается, кричит: – Боли такие, боли страшные! – Я говорю:

– Кайся перед Господом. Проси прощения, говори, что ты была в заблуждении.

Она стала креститься, и говорит: «Господи, прости меня! Исцели меня, Господи, спаси моего ребенка!» Ну и я, какие знала молитвы, стала крестить ее живот и кричать: «да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...», «Живый в помощи» – Псалом, «Символ веры» читаю, и у нее схватки прекратились. Схватки прекратились, и она стала целовать иконы. Говорит: «девочки, схватки прекратились, ребенок встал на место».

И вот, потом она схватила меня за руку, говорит: «я выхожу из секты. Твоя вера правильная, Господь услышал твою молитву и спас моего ребенка». Вот такое было чудо.

Потом меня выписывают. Я выписываюсь буквально через день, и Марию после меня выписывают без всякой угрозы выкидыша. Потом ее муж-сектант бросил. Она родила, по святкам назвала девочку свою, и стала ходить в Храм. Такое было чудо. Слава Богу! (*Крестится*).

Ну, а после этого исцеления я приехала... конечно, я подала на развод, мы развелись с ним. Он мне открыто говорил, когда меня еще Господь не исцелил. Он видел, что я таю на глазах, и он говорил: «ты не успеешь со мной разменять-

ся. Ты скоро сдохнешь». Вот так он объединился со своей матерью, и ему нужна была только жилплощадь. Как бы, я умру, ребенок общий... А тут меня Господь исцеляет, я приезжаю живая-невредимая. Он уезжает. Год он отсутствовал в квартире. И я так обрадовалась, думаю: «ну, может, он как-то решит с жильем. С ребенком оставит меня в покое».

И вот, после исцеления мне приснился сон, что я иду в монашеском облачении. Я смотрю, я иду по полю, на мне монашеское облачение. И я сверху наблюдаю, и говорю: «это кто?» Когда подходит ко мне монахиня, я сверху говорю: «это что – я?» И проснулась. Проснулась: «да этого не может быть! Я? У меня ребенок, неужели я когда-нибудь буду в постриге, монахиней?» Ну, и этот сон я запомнила на всю свою жизнь. Ну, а потом мне приснился сон, что я должна жить в Сергиевом Посаде, что я уйду из Москвы. В Сергиево-Посаде захожу на почту, и мне говорят, что полтора часа от Москвы. Я вижу во сне заранее, за год, что он приедет с женой, с ребенком и собакой ко мне в квартиру, что будет издеваться надо мной и моим ребенком, и я просыпаюсь.

Мне говорят во сне, что благодатный древний город, где я должна буду жить. Я понимаю, но я не знаю название этого города. Мне сказали, полтора часа от Москвы. И вот, проснулась, и думаю: «я уеду в Подмоскowie? Куда-то в город какой-то? Да нет, я не хочу уезжать из Москвы!» Ну не хотела я верить в этот сон.

Через год он приезжает с женой, с ребенком, и с собакой.

Начинаются для меня такие «концерты», что, в общем-то, и ломились ко мне в комнату, и выпивали. Мне пришлось с ребенком уходить к своей знакомой, прихожанке Храма Чуда Архангела Михаила в Хонех. Она меня приняла с ребенком.

Но, самое главное, Господь, конечно, их наказывал. Они надо мной издевались, но тут же у них сыпались неудачи, тут же какие-то неприятности. Они кричали:

– Это ты виновата, из-за тебя у нас неудачи! – Я говорю:

– Вы сами обижаете мать с ребенком одинокую. Вы думаете, я одинокая? Я не одинокая, со мной Господь!

И тоже сосед, который жил у нас в коммуналке, его тоже Господь вразумил, и он потом просил прощения у меня. Говорит: «за тебя Господь очень сильно заступается». И благодаря этой помощи, помощи Божией, помощи Божией Матери, совершенно ничего не было страшно. Бывало, приходила домой, мне говорит:

– Я убью тебя! Не сам убью, но ребята-сатанисты тебя пришибут, и никто не докажет, что это сделал я. – Я говорю:

– Ну, давай, все в твоих руках. – У него ничего не получалось.

И вот, я пыталась, конечно, найти обмен в Москве. Когда в одну прекрасную ночь мне приснился сон, что будет в Москве землетрясение, я вижу, как Москва трясется, и люди выбегают из домов и кричат: «в Москве землетрясение!», я резко просыпаюсь, и говорю:

– Мария (с которой жила), какой благодатный город пол-

тора часа от Москвы? – Она говорит:

– Наверное, это Сергиев-Посад.

И мы с ней газету «Из рук в руки» берем, и находим объявление. Двухкомнатная квартира продается. И мы с ней едем, с ребенком, встречаемся с хозяйкой, и выходим на эту улицу, где я сейчас живу. Я говорю:

– У вас там почта? – Она говорит:

– Да. Вы что, хотите дать телеграмму? – Я говорю:

– Да нет, я нашла город, где я должна жить.

И такая радость, как вот во сне у меня была. Что я вхожу в благодатный древний город, так вот и наяву я эту радость ощутила вновь. Это такая благодать! Вот, и мы с Кириллом были, приехали. Он такой радостный приехал, пришел в квартиру... и говорит: «мама, я как будто здесь и жил! Это мой город!» Ребенку было шесть лет. *Это было в 1998 году.*

И, покупая эту квартиру, Господь мне так помог! Представляете, мне Господь дает юриста, который покупает мою комнату в неприватизированной квартире. Мы обмениваемся, и вот, я оказываюсь в Сергиевом Посаде. Все эти опекунские советы, я это не проходила. За меня все решили. Вот так Господь все управил, представляете?

Ну, и потом я в Лавре работала, в Троице-Сергиевой Лавре, и в гостинице уборщицей, в Колокольне, и знаете, такое было чудо, когда меня хотели ввести в штат Лавры, тогда был экононом архимандрит Георгий. Он сейчас стал еписко-

пом Нижегородским. Раньше он был экономом в Лавре. И вот, я прихожу к нему, а сама думаю: «если он меня спросит, кто мой духовник, что я ему отвечу? А я ему скажу: мой духовник – преподобный Сергей Радонежский».

И пусть он считает меня в прелести там, или как это сейчас называется, мне все равно. Потому что преподобный Сергей, он такой заступник, и такой, на самом деле, наш отец духовный, что во всем заступает за нас. Что ни попросишь. Преподобный Сергей, у меня то, у меня такая проблема...

Один раз у меня случай один был такой интересный. Я, как бы, отказалась от мужской работы, Кирилл у меня учился при Лавре, и я раньше торговлей занималась, мне пришлось оставить торговлю. И я думаю: «буду лучше уборщицей в гостинице перебиваться, где-то няней». Был такой период, что не было даже денег. Я думаю: «хоть бы пятьдесят рублей». Зашла к преподобному, деньги не прошу, а у меня в мыслях: «хоть хлебушка купить, молока ребенку».

Приложилась к мощам преподобного Сергия, выхожу, встречаю батюшку с «Архангела Михаила», где я была прихожанкой, в Москве. Отца Андрея встречаю. Он мне говорит:

- Ну, как у тебя дела? – Я говорю:
- Хорошо, батюшка.
- Как у тебя жизнь?
- Хорошо, батюшка.
- Деньги у тебя есть?

– Есть, батюшка.

Я никогда в жизни своей не просила денег. Вот. Он говорит:

– Подожди меня, сейчас я приложусь к преподобному, и выйду.

Приложился к преподобному, выходит и дает мне пятьдесят рублей. Я только подумала: «мне хоть бы пятьдесят рублей». Я говорю:

– Батюшка, мне не надо. – Он говорит:

– Я не тебе даю, а твоему ребенку. Это тебе на хлеб.

Вот. А потом прихожу, в этот же день, открываю почтовый ящик, а у меня денежный перевод. И, в общем, настолько Господь вел, помогал по жизни: где-то работу, где-то что-то родственники мне помогут... То есть, вот так: положились на волю Божию, и выполняю. Еду в Сергиев Посад, работы нет, как я буду ребенка кормить. Сестричка помогала, все.

И вот, таких чудесных ситуаций, что преподобный Сергей помогал, было очень много. Или иду я мимо Келарского пруда, здесь у нас, да. Прохожу, и думаю: «вот бы няней мне где-то работать устроиться. Я же молилась преподобному». Вдруг, мне через пруд кричат: «Ирина, иди сюда!» Я иду, и мне говорят:

Слушай, у нас ребенок родился. Ты не хочешь у нас няней работать?

Я говорю:

– Хочу.

И вот, таких случаев, что только я обращаюсь к преподобному, все, тут же преподобный помогал! Я иду к этому эконому Лавры, отцу Георгию. Он меня спрашивает:

– Откуда вы переехали? – Я говорю:

– Из Москвы.

– А кто у вас духовник? – Я говорю:

– Преподобный Сергей Радонежский. – Он смотрит внимательно. Я говорю: – Что вы на меня так смотрите? Я была на исповеди у иеромонахов, у игуменов, архимандритов. Мне кажется, я никому не нужна. У всех столько много чад. А я, как бы, лишняя. А я вот, никого и не ищу теперь. Я иду теперь к преподобному Сергию, он меня всегда слышит, и всегда помогает. Только подумаю, и он мне сразу помогает, если это воля Божья, конечно. И он мне пишет сразу: «принять в штат Лавры». Поклонился мне головой так (*показывает*), и говорит:

– Молитесь за меня, матушка. – Я говорю:

– И вы за меня, батюшка.

Выхожу... он мне дарит икону преподобного Сергия ламинированную. Выхожу, и она у меня сразу замироточила, в руках. И такое благоухание пошло. В коридор выхожу, а там девушка за мной. Говорит:

– Подождите, сейчас не уходите, я сейчас вам скажу результат: приняли – не приняли в штат Лавры. – Ей дарят такую же икону. Я говорю:

– Слушай, а что это такое у меня? Почему эта икона вся

в каплях, в каких-то струях? – Она говорит:

– Почему у вас это? – Я говорю:

– Не знаю. А у тебя что? Такая же икона ламинированная.

Она говорит:

– Слушай, а ты что сказала, кто твой духовник?

– Преподобный Сергей.

И вдруг, это благоухание накрыло нас на улице. Она говорит:

– Матушка, я никогда такого благоухания, ни разу не слышала в Храме.

Я говорю:

– Да преподобный Сергей подтвердил, что он мой духовник.

Я бегом к Раке преподобного, на коленях: «преподобный Отче Сергие, благодарю тебя, что ты взял меня в свои чада!» Потом побежала на работу, в Колокольне, где я работала, и показываю, что у меня мироточит икона преподобного Сергия, и говорю: «преподобный Сергей подтвердил, что он мой духовник».

И потом, в скором времени, архимандрит Георгий, стал епископом Георгием. Но у меня время прошло, я потом стала петь по молитвам преподобного Сергия на клиросе. Стояла, пела у преподобного, ко мне подходят, говорят:

– Вы где-то поете в Храме? – Я говорю:

– Нет.

– Пойдемте в Храм петь.

Там попела, там. И вот, как я убежала от этой регентши. Она такая строгая была. Я понимаю, что я не могу. Музыкальную школу давно закончила, а пение на клиросе – это особое, да. И вот я убегаю от нее:

– Нет-нет, не смогу к вам прийти. – Она:

– Нет, ты придешь опять!

Вот. Ну, и так ходила за мной, заставляла петь, с Божьей помощью. Потом я попадаю к старцу, схиархимандриту Алексию, с Ивановской области. Тоже по молитвам преподобного Сергия я стала писать иконы (*показывает*).

Когда я приступила к этой иконе (*преподобномученицы Анастасии Римлянской*), я заболела онкологией желудка. Были такие страшные боли, что уже неделю ничего не ела, рвало, и Кирилл падал на колени перед иконами, плакал и говорил: «Господи, не забирай мою маму! Мне она нужна, Господи!» Я писала, думала: «хоть до смерти успеть написать, и передать эту икону в Москву».

Но, должна была непрестанно молиться, а она (*преподобномученица Анастасия Римлянская*), была инокиней. Дописав эту икону, я пошла в Храм на Лаврское подворье всех святых. Там предел Божией Матери, отец Давид там был настоятелем Храма. Шла по оврагу, спустилась в овраг с этой иконой. Были такие боли у меня сильные, думала сердце у меня остановится. Желудок, позвоночник – все, казалось, рвется у меня на части. Могла упасть в грязь с иконой от этих болей. И я встала. Остановилась, держа эту икону в руках, и

посмотрела на небо. И мне, как будто, фрагменты на небе, что я иду в монашеском облачении. Глаза закрываю – опять в монашеском.

Я выкрикнула на небо: «Господи, Матерь Божия, если Ты хочешь, чтоб я приняла постриг и стала монахиней, исцели меня! Даю Тебе обет пострига». Меня боли резко оставили. Я дошла с этой иконой, совершенно не чувствуя болей, до Лаврского подворья. Прихожу к иконописцу, а иконописец там Вячеслав был, спрашивает:

– Ты как себя чувствуешь? – Я говорю:

– Чувствую себя хорошо, но я дала обет. Не могу сказать, какой. Пока.

Он мне покрыл эту икону, отвезли в Москву эту икону, и к одной матушке, у которой я ночевала до этого, у нее муж-священник служил в Храме Архангела Михаила, я у нее ночь ночевала. И все время эту ночь я у нее рвала. Она так испугалась... до этого обета.

Тогда я к ней пришла, и говорю: «Наташа, что мне делать? Я дала обет пострига Матери Божией, и у меня никаких болей нет, никаких позывов к рвоте, ничего нет». Потом меня повели к старцам в Лавре, схиархимандриту Михаилу, который умер сейчас. И, в общем-то, старец мне сказал... схиархимандриту Алексию еще, там был батюшка. И говорят они одновременно, в разных кельях: «ты говори Богородице: подожди. Ну, попроси, чтобы Она подождала, ребенку одиннадцать лет, пока тебе еще рано в монастырь».

Я говорила «подожди» два года. А потом получается такой случай: у моей знакомой умирает мама, от онкологии. У нее онкология была, легких. Рак легких. Я попросила не делать пункцию, потому что мне когда пункцию делают, обязательно «рак» быстрее прогрессирует.

Но уехала в Параскево-Вознесенский монастырь, на экскурсию паломническую, с мамой. Там ей очень монастырь понравился. Необычное место. Мученически там закончили свою кончину игуменья Параскева, в период гонений. И сестер многих тракторами в землю, в озере топили. В общем, такой был монастырь, благодать в этом монастыре, что я, как бы, подумала, что, если Матери Божией угодно, я бы поехала в этот монастырь потрудиться на послушании.

И я когда приехала в деревню, мне сообщают, что баба Лена умирает, и просит меня приехать с ней проститься. Я поехала в больницу, здесь, в ЦРБ (*в Сергиевом Посаде*). Приезжаю, она сидит с кислородными подушками. И я спрашиваю у дочки:

– А вы успели их повенчать? – Потому что невенчаный брак – она будет мытарство блуда проходить. Она, дочка, говорит:

– Да ты что, венчать? Ей осталось два часа жизни! У нее одно легкое отказало работать. Перестало работать одно легкое, и ей сказали, что два часа жизни. – Я говорю:

– Таня, а давай попросим Матерь Божию, чтобы Матерь Божия продлила ей жизнь для венчания. – Она говорит:

– Ты что? – Ну, подумала, в своем я уме или нет.

И пошла, легла. Я говорю:

– Ты знаешь, я буду просить Матерь Божию, чтобы Матерь Божия продлила ей жизнь.

В общем, она заснула. Я читала Богородичное Правило, и после каждого десятка я делала земной поклон и просила, не вслух, а про себя: «Матерь Божия, я помню о своем обете. Если Тебе хочется, если Тебе угодно, чтобы я поехала в этот монастырь, потрудились за эту бабу Лену, то дай мне знак. Если она доживет до утра, и у нее включится в работу легкое, которое у нее сейчас отключено, и она доживет, и она успеет повенчаться, Ты дашь знак, чтобы я поехала в этот монастырь потрудиться».

Так я молилась до утра. Бабушка заснула. Утром приходит завотделением и говорит: «почему она жива? Мы не пойдем. Легкое включилось в работу». Никто не поймет. Я молилась перед иконой «Избавительница» Матери Божией, и эта икона замироточила. И говорят:

– Зачем вам держать ее здесь? У нее легкие работают, забирайте ее домой! – А дочь говорит:

– Ну как же, она же с кислородными подушками!

– А где вы видите, – говорят, – кислородные подушки? Кислородных подушек около нее нет. Это не кислородные подушки, – завотделением говорит, – ее здесь держали. Ее держали... Кто-то задержал ее здесь, на Земле. Мы не можем понять. Забирайте свою маму.

Она говорит:

– Нет, ну как же так?

– Ну, если хотите, перевозите в платную «онкологию».

Есть платная «онкология». Пожалуйста перевозите.

Она звонит своему духовнику, отцу Иону, он ее благословляет: «ну пусть она недельку побудет в платной «онкологии», бабушка. Везут бабушку на коляске. Говорят, не надо ей ходить, пусть она едет. Ну, говорит:

– Бабуля, что-то ты не кашляешь? – Она говорит:

– Да не знаю, доченька.

Я молчу, я же понимаю – это мой был разговор с Матерью Божией. Она неделю пролежала в больнице. Потом ее выпишывают. Я пошла к преподобному Сергию, говорю: «преподобный Сергей, Матерь Божия, помогите, ведь я молилась, чтобы венчание состоялось!» Выхожу только от преподобного Сергия, идет отец Сергей Цебрук, который в больнице, тоже батюшка. Да, он тоже в Параскево-Пятницком Храме служил. Я его встречаю, и говорю:

– Батюшка, так я ж молилась, чтобы Матерь Божия продлила жизнь для венчания. – Он говорит:

– А что ж мы ждем? Молитесь, чтобы она дожила.

В общем, через несколько дней я приезжаю к ней на венчание. Батюшка их венчает. Я пою на их венчании, батюшка их венчает. На следующий день баба Лена едет в *(неразборчиво)* купаться. Таня, как терапевт, приезжает, ее слушает – у нее два легких работают. И вот, я работаю в это время в

Лавре, что-то так тяжело на душе было, думаю: «надо завтра мне ехать к ней». Собралась к ней ехать. Она, знаете, она сто пятьдесят раз «Богородице Дево, радуйся...» все время читала. Это она говорит. И вот, Матерь Божия ей такое вразумление дала. Не только она повенчалась. Там, когда шестой десяток Богородичного Правила мы молимся, читается молитва: «сподоби, Матерь Божия, при последнем издыхании причаститься Святых Христовых Тайн, и Сама проведи душу через страшные мытарства!»

Она читала эту молитву. И вот, Матерь Божия ей открывает день ее кончины. Она сидит с внучкой, и говорит:

– Мариночка, я завтра должна умереть, в среду. А в пятницу меня будут отпевать. – Она говорит:

– Бабушка, как же так? – Она говорит:

– Мариночка, ничего не бойся. Мне Матерь Божия открыла, что я должна завтра умереть... Марина говорит:

– Ну как же, ты... ты же повенчалась! – Она говорит:

– Эх, Мариночка, мне дано было время для того, чтобы я повенчалась. А теперь я должна умереть.

А мы с ней собирались, с бабушкой этой, ехать в монастырь Параскево-Пятницы, где я давала обещание потрудиться.

А она (*Марина*) говорит:

– Ты же с тетей Ириной собралась ехать в паломническую поездку. – Она говорит: – А ты знаешь, мы с тобой книжку читали про Ангела-Хранителя. Он же добрый. Я Анге-

ла-Хранителя попрошу, и он меня отнесет в этот чудесный монастырь, на это святое озеро. Так что я вперед вас там побываю. Ты не волнуйся, а попроси тетю Иру, чтобы она пела у меня на отпевании, и пела потом возле гроба: «Богородице Дево, радуйся...», ту, которую она пела у меня в больнице.

И я тут просыпаюсь, и мне кричат:

– Ирина! – Выхожу на балкон, а мне кричат: – Бабушка умерла!

– Как она умерла?

Так умерла чудесным образом. Внучке своей сказала, когда она умрет. И приглашают батюшку с «Чудо Архангела Михаила в Хонех» служащего. С Москвы. Служил, отец Алексей. И представляете, она умирает 18 сентября, а 19 сентября Чудо Архангела Михаила в Хонех. То есть, все с этим праздником.

Приглашают батюшку, батюшка ее причастил, и она умерла, а в пятницу батюшка отходную читает, в пятницу ее отпевали, как она сказала. Автобус задержался, и я пела у гроба: «Богородице Дево, радуйся...». Она лежала такая довольная, счастливая.

Ну, а потом я думаю: «как я поеду в этот монастырь, ведь бабушка умерла. Когда? Может, до лета дотянуть, осенью?» Ну, а тут встречаю я послушника Славского подворья. Он говорит: «отец Давид сказал ехать». И мы уезжаем в экскурсию с ее дочкой, с ее мужем обвенчанным, и со знакомыми, с друзьями, с паломниками, и плюс с послушниками. На «ГА-

Зели»

И когда стали подъезжать к этому монастырю, проехали Дивеево, подъезжать к монастырю, а темнота, поля, мы ничего не видим. То есть, заблудились. Вдруг, останавливается машина, а мы в это время ехали и читали Акафист Архангелу Михаилу. Останавливается машина, навстречу к нам, мы спрашиваем, где мы едем, мы заблудились в дороге, оказалось, водителя зовут Михаил. И он разворачивает свою машину и везет нас еще полтора часа до того монастыря...

Но, когда мы подъезжали к этому монастырю, пошел сильный запах ладана, такое благоухание. Говорим: «а что случилось? Почему в машине такой сильный запах ладана? Откуда он?» Ну, я понимаю, что приближаемся к монастырю, я обещала, но никому ничего не говорю. А все удивляются. А мы все громче поем.

А водитель говорит:

– Вы что, кадите там? Вы мне сейчас машину подожжете! – А мы говорим:

– Да нет, мы не кадим. Такой запах просто, все пропахло.

И когда приехали мы в этот монастырь, нас поселили, так прекрасно приняли. На следующий день я игуменье говорю, рассказываю за эту бабу Лену, которая хотела побывать в монастыре, сказала: Ангел-Хранитель ее раньше отнесет. Нас сводили на источник Параскевы Пятницы. В святой источник окунулись, потом заходим в трапезную, а послушница Евгения говорит:

– Приезжайте к нам в монастырь, потрудиться. Как только она сказала эти слова, пошло благоухание ладана прямо по трапезной. Она говорит: – Кто вы такие? – Ну, я ей шепчу на ухо:

– Я давала обет пострига Матери Божией. Где этот постриг произойдет, не знаю.

И так получилось, она мне дает адрес, как доехать своим ходом. Ну все, мы прощаемся с ними и уезжаем. Несколько километров проехали, и ломается машина у нас, потекла печка в машине. Я сижу молюсь: «преподобный Отче Сергие, как же я сейчас...», я понимаю, что мне знак остаться в монастыре, вернуться. Я думаю: «ну как же так? Я сейчас работаю в отделе кадров, все, я в штат Лавры вошла, что же мне делать? Мне же надо как-то рассчитаться».

Я стала уже у святой мученицы Параскевы просить, у преподобного Сергия: «ну пожалуйста, помогите мне!» Машина заводится, едем обратно. Опять проехали несколько километров, и опять сильный запах в машине. Такое впечатление, как будто мне ударили, такая боль в желудке. Я понимаю, что моя болезнь стала ко мне возвращаться. Я так схватилась за желудок, и так застонала (*показывает, скрестив на груди руки*).

А ко мне в машине все повскакивали:

– Тебе плохо? – Я говорю:

– Мне очень плохо. – Я вся побледнела, даже позеленела.

Они говорят:

– Что, плохо-плохо?

У меня так голова закружилась, я говорю:

– Мне больно, очень больно. – В общем, приступ усилился, все хуже-хуже, и я говорю: – Вы знаете, я давала обет пострига. – Я им призналась в машине. – Этот постриг я не выполнила. В то же время я давала обещание ехать в этот монастырь за бабу Лену. И все это связано с постригом.

Кто заплакал в машине, заголосил:

– Как же мы будем без тебя, если ты уйдешь? – Кто-то говорит:

– И хорошо, если она выполнит постриг.

В общем, меня довели еле-еле домой. Привезли, привели под руки домой. Я пришла в Лавру, уже за желудок держусь. Прихожу, работать не могу, все время читаю: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас!» Рассказываю своей начальнице, Ирине, что я не могу работать, мне надо ехать трудиться в этот монастырь, иначе я помру.

В общем, мне все хуже-хуже, я Тане, своей сестре, говорю:

– Тань, мне надо опять в этот монастырь. Пожалуйста, отвезите меня в этот монастырь! Мне плохо. Или отпустите меня. – Она говорит:

– Нет! Какой тебе монастырь? Ты же понимаешь, в каком ты состоянии. Как ты будешь трудиться?

И один раз мне было очень плохо, и она поняла, Таня, что нельзя меня держать. Вызвали маму с деревни, и я говорю: «мама, если вы меня не отпустите, я просто умру».

И мама меня сопровождает. Мы с Кириллом поехали и с мамой в этот монастырь. Мама плачет, слезами умывается:

– Доченька, как же ты будешь? – Я говорю:

– Мама, я выполняю волю Божию.

Приезжаем, заходим на территорию монастыря, раз, и боль меня отпускает».

Татьяна, ее сестра. «Вы знаете, когда мы ее ехали провожать, она была, конечно, в тяжелом состоянии. Вот. И мы с мамой плакали, и было у меня чувство, как будто, я ее везу хоронить заживо. Вот заживо ее хоронить. В таком состоянии... у нее, мало того, что возвратились боли, и вот этот запах разложившейся ткани уже изо рта стал идти, когда ее рвало.

И я ее провожала, конечно, изрыдалась. И когда они туда приехали, и мама мне звонит, и говорит: «Таня, я не могу понять, что происходит. Мы, говорит, – зашли в ворота, и она изменилась. У нее цвет лица поменялся. И ее в этот же день послали на послушание: разгружать кирпич с машины. И она целый день, – говорит, – трудилась, как ни в чем не бывало». Представляете?»

Ирина. «Потом меня поставили мешки стирать. Трудное самое послушание я проходила на кухне. В трапезной работать, и там такого не было, чтобы вода текла. Таскали ведра. И игуменья ко мне очень хорошо расположилась, Серафима. Но у сестер пошла такая брань, потому что меня быстро поставили на клирос петь. Потом мне дали мастерскую.

Игуменья сказала: «будешь реставрировать иконы». Первую свою икону я сдала в этот монастырь.

И вот, матушка уезжает в отпуск. Я на клиросе пела. Конечно, искушений было много. Я на клиросе, все, но тут, когда я спустилась после службы вниз со второго этажа, потому что Храм был на втором этаже, идет такая старенькая монахиня, и говорит:

– Ты знаешь такого батюшку – Самсона?

А я накануне очень жаловалась батюшке Самсону. Говорю: «батюшка, ты в Мордовии сам страдал, помоги же мне сейчас. Я, – говорю, – не знаю. Там на клиросе такие искушения, что я не так пою. Ну пусть бы меня сняли с этого послушания, или дай мне силы терпеть. Не знаю, что делать».

Ну, в общем, и эта мне монахиня говорит:

– А ты знаешь такого батюшку – Самсона? – Я говорю:

– Знаю, я писала его икону. – Она говорит:

– А это был мой духовный отец.

И такие мне утешительные слова сказала. А потом, пока мы с ней в келлии разговаривали, прибегает ее келейница, я только в книжке читала, что бывают злые келейницы. Она прибегает такая:

– Вы что здесь делаете? В келью к монахине! Вон отсюда!

Я говорю:

– Так мы про батюшку Самсона рассказываем.

– Батюшка Самсон вам не Бог. Он не святой. – Я говорю:

– Батюшка Самсон, он святой жизни человек. Я прине-

су тебе фотографии батюшки Самсона, ты обязательно повесь. – Она:

– Ты кто тут такая? Приехала, перевернула весь монастырь!

Я говорю:

– Я – никто. Подумай, кто ты у Бога. Потому что Господь сказал: будете любовь иметь между друг другом, узнают, что вы – Мои ученики.

Она разозлилась, толкнула меня, и я врезалась в стенку. Потом я принесла ей фотографии батюшки Самсона. Я после этих слов – «ты тут никто», почувствовала, что у меня стало портиться здоровье. У меня стала возвращаться боль в желудок. Вот эти слова – «ты тут никто», и вдруг, я чувствую, день я поем – рву, второй, третий день – рву. И вот так неделю я не могла уже ничего есть. Потом приезжает игуменья – у меня дикие боли. Ребенок за мной ухаживает. Нас с Кириллом в одну келлию поселили. Я подхожу к игуменье, говорю: «матушка, я не могу петь на клиросе, у меня очень болит желудок, мне так плохо!»

Я ей рассказала о своем обете, рассказала за эту бабу Лену, которая венчалась. Сказала, что на мне висит обет пострига. Потом я к ней обратилась и говорю:

– Матушка, я не выполнила обет пострига. Вы можете мне помочь с выполнением этого обета? – Она говорит:

– Ну, ладно, мы подумаем. – Потом говорит: – Мы подумаем, может, перед смертью тебя пострижем.

И, в общем, они пока думали, неделя проходит, усилились боли. Боли были страшные. Я не выходила ни на улицу, ни в трапезную. Ничего не делала, у меня все время рвота, рвота, рвота. Потом уже Ксения одна побежала к игуменье, со мной послушница там была, она говорит: «матушка, Ирина умирает, придите к ней».

Она пришла ко мне с батюшками, и говорит:

– Что ты хочешь от меня. – Я говорю:

– Матушка, я просила вас помочь мне с выполнением обета. Вы молились. Что вам Господь открыл?

Ну, в наше время, к сожалению, слово «открыл», или «помолиться для вразумления» как-то странно отзывается у некоторых наших матушек. Она говорит:

– Я могу тебе предложить врачебную помощь. Положить тебя в больницу, таблетки.

А я говорю:

– Вот у меня вода, с источника. Это мое лекарство. Я давно уже не принимаю лекарства. Меня Господь много раз исцелял от разных болезней, в том числе, от онкологии. Мне сейчас главное – выполнить обет!

Она мне задает такие вопросы:

– А если мы тебя пострижем, как ты думаешь, ты исцелишься?

Я говорю:

– Я не знаю. На все воля Божия. Как я могу сказать, что я исцелюсь? Захочет Господь – исцелит, не захочет – не ис-

целит. На все воля Его. – Она:

– Ну, вот, видишь! А если тебя Господь не исцелит, что ты будешь делать у нас в монастыре? Целыми днями молиться? А нам работники нужны. Работники. У нас трудовой монастырь. – Ну, и тут она говорит: – Я могу, конечно, попросить епископа, если ты поедешь к нему. Но ты, наверное, поедешь одна... Но запомни: если тебя благословят на постриг, в монастыре что выпрошено, то выброшено.

То есть, я, как бы, выпрашиваю постриг. Ну, и я ей отвечаю:

– Матушка, я выпрашивать ничего не хочу... – Она мне:

– Ты понимаешь, что ты у нас пробыла здесь, в монастыре, сорок дней, и ты хочешь постриг. У нас сестры восемь – десять лет трудятся...

То есть, поставлено все на то, что надо отработать какой-то стаж. Если бы раньше, я думаю, на Руси сказали, что на тебе висит обет пострига, тебя бы постригли бы ради страха перед этим обетом, перед Богом. Ну, как бы, помочь человеку. Человек в тяжелом состоянии, он дал обет. А как-то получилось, что это не очень серьезно выглядело для них.

И вот, когда она уходит, я говорю:

– Знаете, я ничего не хочу просить у вас. Я слишком мало в вашем монастыре пробыла. И, если я у вас тут умру, я не хочу затрат на похороны. На свой гроб, могилу. Для вас это будет затратно. Я слишком мало потрудились в вашем монастыре. Я, наверное, поеду к себе умирать. Я поеду в Сергиев

Посад, и преподобный Сергей мне поможет.

В общем, на следующий день я кое-как собрала вещи. Меня провожали сестры с монастыря до вокзала. Игуменья только говорила: «вот что она уезжает? Уезжает, не поехала к епископу!» Ну как я могла после таких разговоров поехать к епископу? Когда мне говорят: «что выпрошено, то выброшено».

Я уезжаю с Кириллом. Приезжаю сюда (*в Сергиев Посад*), раздеваюсь, Таня мне дает суп: «поешь». Как я, как я доехала, на поезде, на машине. Но мне везде помогали люди. Господь так давал людей, что видели мой вид умирающий, и все мне люди помогали. Я сумки не несла. Кирилл, люди помогали. Причем приезжаю к сестре, сестра говорит... до последнего момента я терпела, не говорила ничего. Говорит:

– Съешь суп. – Я говорю:

– Танечка, я есть ничего не могу. – Она:

– Ну съешь, я тебя прошу, ради меня.

Я съела этот суп, и тут же вырвало. Она испугалась:

– Что с тобой?

Когда я разделась, она увидела, что от меня остались кости, да кожа. Я очень сильно похудела в монастыре. Уже когда слегла там, я таяла на глазах. Но, и самое чудо было в том, что я в монастыре Параскево-Пятницком молилась перед Чудотворной иконой Параскевы, мученицы. Таня знакомится со схимонахиней Параскевой, здесь недалеко, в Клязьме.

И когда я приезжаю, говорю:

– Таня, что мне делать? – Она говорит:

– Поехали к схимонахине Параскеве.

Меня везут туда, мне плохо, я почти лежу на заднем сидении, привозят туда. И когда я стала с ней разговаривать, немножко боли меня стали отпускать. Я говорю:

– Матушка, я не выполнила обет. Мне так плохо, я чувствую, что умираю. – Она говорит:

– Надо выполнять обет. Срочно. Чем быстрее, тем лучше.

Потом Таня привела меня к архимандриту Илариону, духовнику Академии. Он меня не узнал. Я говорю:

– Помните меня? Я два года назад приходила и говорила, что дала обет пострига. – Он говорит:

– Помню. Это вы? – Я говорю:

– Да. – Он говорит:

– Матушка, что я могу для вас сделать? Я могу только молиться за вас, чтобы ваш постриг произошел. Но ничем вам помочь не могу, потому что вы же не мое духовное чадо. Если бы вы были моим духовным чадом... Вы обратитесь к своему духовному отцу.

Я пошла к преподобному Сергию, потому что он мне ответил, что он мой духовный отец. Пришли с Таней, она привела меня к Раке. Я говорю: «преподобный Отче, ты мой духовный отец, ты – игумен Троице-Сергиевой Лавры, всей России чудотворец. Ты сам пришли мне иеромонаха, который меня пострижет. Я больше не приду». Я уже не в состоянии была прийти».

Сестра. «От машины до Лавры я ее на себе тащила. И обратно тоже. Мы ее дома положили, и она обратно встать уже не смогла. Уже она есть не могла, рвала, кровью рвала. А мама приехала ухаживать за ней, но она как-то, мама, старалась ей помочь. Делала супчики такие, овощные, через терку перетирали. И вот, начинает ее уговаривать:

– Доченька, ну хоть ложечку съешь. – Она чтобы маму утешить съест одну ложку, и рвота... Она мне говорит: – Танечка, она голодной смертью умрет. Я, представляете, врач, я участковый врач здесь, на том участке, где моя сестра живет. И мне мысли, конечно, лезут в голову. Думаю: «Господи, как же, она же умрет, что же мне делать? И постриг, обет не выполнила... А если найдется батюшка, который согласится и ее постригут, а вскрывать нельзя. Она умрет, она молодая, как же я справку буду на нее выписывать». Монахиню нельзя вскрывать. Сижу, целыми днями плачу».

Ирина. «Она мне много раз предлагала. Говорит:

– Давай, может, тебе наркотики обезболивающие дам?

А я говорю:

– Нет, никаких наркотиков. Матерь Божья больше ждала выполнения обета, я должна терпеть.

Были страшные боли. Я около двух месяцев ничего не ела, все время рвало. И, представьте, что я была как скелет обтянута кожей. Я молилась все время. У меня Акафистник оказался разорванный от боли. Потому что я крутилась на постели, и руки были в масле. Вот этот замасленный Акафист-

ник (*показывает*). Я крутилась, и я читала Матери Божией все время Акафисты. И это было мое обезболивающее. То есть, если я отпускала хотя бы на минуту, у меня страшные боли продолжались, масло святое выливалось мне на живот и святая вода. И один раз, я помню, мне было уже очень плохо, Таня говорит, что я могла умереть...».

Сестра. «Да, был такой момент, что пришли все друзья. Собралось тут человек девять, наверное. Ну вот, кто-то пришел пообщаться к ней, навестить. И у нее начались судороги. Ну, агония уже началась. Она посинела, ну, судороги начались. Я растерялась, все начали плакать. Я, хоть и врач, но настолько растерялась, и начала кричать. Ну, и слава Тебе, Господи (*крестится*), в этот момент, я даже не ожидала такого, и она сказала: «читайте Акафист «слава Богу за все!»»

Мы в растерянности, она только просила читать Акафист, а мы в растерянности, плачем. И вот, в это время мой муж пришел с работы. Услышал этот крик, и вот, слава Богу, повел себя очень разумно. Я этого даже не ожидала от него. Он на нас на всех прикрикнул, говорит: «вы чего, – говорит, – орете? Быстро на колени, и молиться!»

И знаете, сказал он, как командир. Одних поставил здесь читать Евангелие, других Акафисты, говорит: «на колени! Она попросила вас молиться, на колени!» И мы все упали на колени, и начинаем молиться: кто Акафист, кто Евангелие. И она задышала.

Конечно, это был такой переломный момент, что уже ду-

мали: все. И на следующий день подруга наша пошла к преподобному Сергию, помолиться, и встречает там батюшку, отца Давида, вот. А батюшка не знал, что Ирина в таком состоянии. И он у нее спрашивает:

– Как Ира? – И она говорит:

– Вы знаете, батюшка, Ирина заболела тяжело. Ее надо прийти причастить и пособоровать.

Ну, он приехал сюда. Вероятно, даже не думал, что она в таком состоянии и не мыслил ее причащать, а думал только пособоровать. Нам с мамой дал распоряжение, чтобы подготовиться к Соборованию. Мы начали к Соборованию готовиться, и вдруг, мы видим – батюшка выбегает из комнаты, и из дома. Я пошла брать свечи к соборованию, мама тут, и батюшка убегает из квартиры.

Мы растерялись, что случилось? Забегаем в комнату, а у Ирины рвота кровью. И батюшка увидел рвоту эту, он испугался, что она умрет. И он поехал на машине для Причастия, за Дарами. А мы-то не знали. Он выскочил, я выбегаю на балкон, смотрю – батюшка рясу держит в руках, и в машину. Я не знаю, тут ехать, даже если быстро, ну это минут пятнадцать до Храма, и обратно, это на полчаса. А он, наверное, минут за пятнадцать-двадцать у нас оказался. С какой скоростью он мчался, я не знаю, но минут через пятнадцать опять дверь распаивается, он забегает, и нам говорит: «выйдите из комнаты!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.